

*ПРОЛОГ,
в котором наследная графиня Ершова узнает границы
своей выдержки*

Такт есть одно из важнейших условий света.

*Жизнь в свете, дома и при дворе.
Петергоф, 1890 г.*

Почему-то раньше я не замечала, насколько мал кабинет управительницы пансиона. Да и она сама, съезжившись под колючим взглядом маркиза Левшина, сейчас казалась какой-то серой, незначительной. А ведь мы ее боялись.

Статная дама с чуть более широким, чем положено среди высоких родов, разворотом плеч, Агата Михайловна Полякова держала девичий пансион в особой строгости. Видимо, потому и перечить ей было страшно: как наследнице одного из главных семейств Старороссийской империи ей достался дар целительства, с легкостью стиравший с рук провинившихся воспитанниц следы тонких розог. Впрочем, для особо отличившихся существовали не только розги — это я знала не понаслышке.

Теперь же госпожа Полякова сидела за высоким дубовым столом тихо, смиренно даже, чем по-настоящему пугала меня. Она будто бы пыталась сильнее вжаться в густого винного цвета кожаное кресло, но то, скоро отдав запасы лишнего места хозяйке, больше подчиняться не желало, что заметно нервировало Агату Михайловну.

Как бы то ни было, в эту самую минуту я понимала ее. Ожидая встречи с визитером в приемной управительни-

цы, я и подумать не могла, что встречу не с кем иным, как с последним маркизом из когда-то славного рода боевых огненных магов. Что же такого могло произойти, чтобы визит нанес именно он?

Постаравшись припомнить редкие слухи, которыми делились воспитанницы пансиона, я отыскала в памяти несколько крайне неприятных фактов о молодом маркизе Левшине. Говорили, что звание его при цесаревиче было вовсе не адъютанта, а чиновника кабинета его императорского высочества. И что отошло это звание в руки великого министра не просто так...

Украдкой шептались, будто молодой цесаревич боится маркиза, ведь по силе с ним сравнится разве что некромант, но род Воробьевых угас и дар этот утрачен для империи. Если только воскресить, но как?..

Я сглотнула. Нервная дрожь пробежала по кончикам пальцев, отчего их пришлось тут же спрятать в белоснежной ткани шелковой юбки. И пусть жест этот не останется не замеченным Агатой Михайловной, но с ней я разберусь позже. Теперь же...

— Госпожа Ершова... — Управительница явно нервничала, отчего обращение ее, которого я доселе не слышала, вышло каким-то натянутым. За закрытыми дверями нас чаще называли по имени, и только в редких случаях, когда позволялось принимать гостей, — по фамилии. К слову, папенька, отдав меня в пансион совсем ребенком, навещать забыл тут же, и потому обращения к себе по фамилии я не помнила. — Его сиятельство маркиз Николай Георгиевич Левшин прибыл, чтобы...

— Оставьте нас! — Голос маркиза прогремел так звучно, что я от неожиданности вздрогнула. И, передумав доставать дрожащие пальцы из складок юбки, попыталась сконцентрироваться на дыхании. Если сосчитать вдохи-выдохи, тогда мыслей останется совсем мало и пальцы понемногу перестанут дрожать.

Звук удаляющихся шагов, за которым — скрип тяжелой двери. И почему-то мне кажется, что мое дыхание слишком частое, слишком...

— Вы знаете, по какой причине я прибыл?

Поднять глаза на маркиза Левшина по-прежнему было страшно. Но этикет требовал при разговоре глядеть собеседнику в лицо, а послушаться его я не могла никак. Особенно в святая святых госпожи Поляковой. Все же восьмой год обучения подходит к концу, и уже спустя неделю меня ждет выпуск. А там — петергофский бал, на котором я буду представлена свету как дебютантка.

Я втайне надеялась, что первый год станет для меня удачным, потому что возвращаться в дом отца нельзя. Никак нельзя...

— Нет, ваше сиятельство. — Осторожный взгляд, позволяющий заметить суровый профиль маркиза, в полуобороте застывшего у окна.

Даже в ярком дневном свете его волосы кажутся не просто черными — смоляными, опадая на плечи легкой волной. Стрижены ровно, будто бы под линейку, и в фигуре видна военная выправка.

Словно бы почувствовав мое любопытство, маркиз раздраженно пожал плечами, окинув меня с ног до головы колючим взглядом внимательных карих глаз. И несмотря на то, что глядел он от силы пару секунд, меня словно обдало кипятком. Случайность? Или все же магия огня, о которой не умолкая твердят в каждом салоне?

Я постаралась как можно скорее отвернуться, отметив, что внешность собеседника скорее отталкивающая, чем приятная. И ведь даже непонятно почему. Все же черты лица довольно правильные, кроме разве что легкой горбинки на носу, равняющей маркиза с хищной птицей. В остальном...

Скулы высоки, очерчены. Широкий подбородок с россыпью мелких шрамов у правого уха. А ведь он еще до-

вольно молод, всего лет на десять старше меня. Только слухи о нем ходят нехорошие, дурные. Страшные даже. И снова приходится сглотнуть, потому как от тревожного предчувствия рот наполняется вязкой слюной.

— Ваш отец, четвертый граф Савелий Яковлевич Ершов, вчера поутру был задержан в Императорском институте Петергофа по подозрению в измене короне. Суда, который назначили на это утро, он не дождался: тело нашли накануне в камере, причина смерти — отравление. Вы должны прибыть в Петергоф для освидетельствования и... Ольга Савельевна?

Руки выскользнули из шелковых складок тонкой юбки, и уже в следующее мгновение я поняла, что моей выдержке пришел конец. Резкий выдох, граничащий со вскриком, — и ощущение реальности покинуло меня, позволив наконец оставить этот долгий день позади.

**Глава первая,
в которой случаются первые знакомства,
ведутся неприятные разговоры и открываются
скандальные тайны**

Мужчина всегда обязан помогать женщине, находящейся в затруднении...

*Жизнь в свете, дома и при дворе.
Петергоф, 1890 г.*

Голоса приближались быстро, в один миг взорвавшись вокруг меня резким гулом.

Правую ладонь крепко жгло, не позволяя снова уйти в беспамятство, и только в области головы царила спасительная прохлада, медленно возвращавшая в сознание.

Я зажмурилась. Может случиться, что все это — всего лишь сон. Дурной сон, о котором забываешь тут же, как открываешь глаза. Ну же, Оля!

Перед глазами плыло всего секунду, а потом очень четко обрисовалось лицо маркиза, низко склонившегося надо мной. Его ладонь держала мое запястье осторожно, почти бережно, и под кожу бежали колкие иглы. Я перевела взгляд на пальцы господина Левшина, обратив внимание на старый фамильный перстень, венчавший мизинец: так и есть — под кожей крошечными всполохами догорали последние искры, подсвечивая пурпурным крупный рубин. А ведь камень сейчас почти черный, что говорит о его использовании, — значит, артефакт. Я задержала дыхание. Артефактов такой силы едва ли сыщешь пару-тройку во всей империи, и вот один из них — передо мной.

На память тут же пришло массивное каменное сооружение, окаймляющее девичий пансион в Хвойном. Всем известно, что закладка защитных пластин осуществлялась

еще до основной постройки, что запрещало силовому всплеску рождать магический контур. Лишь госпоже Поляковой и нескольким воспитателям было дозволено пользоваться дар в стенах учебного заведения. Может, в пансионе оно и к лучшему, но стало ясно: маркиз — не просто маг, раз смог побороть магическую цепь такой мощи. Впрочем, судя по слухам, молодой министр был способен не только на это.

— Все в порядке, Агата Михайловна, госпожа Ершова пришла в себя. Ваша помощь больше не понадобится, — не терпящим возражений тоном сообщил маркиз.

Чувство прохлады вокруг лба тут же исчезло, и я запоздало поняла, что это было целительское воздействие нашей управительницы. Но уходить она не торопилась, обеспокоенно уточнив:

— Вы уверены, ваше сиятельство? Девушка все еще слаба и...

— Оставьте нас! — потребовал Левшин. — Я позову вас, если понадобится.

Я переводила взгляд с госпожи Поляковой на министра, и впервые за все восемь лет учебы в пансионе мне не хотелось, чтобы Агата Михайловна уходила. Кажется, пожилая дама понимала это, потому как предприняла еще одну жалкую попытку помочь:

— Ваше сиятельство, юная госпожа не может остаться в своих покоях одна с молодым человеком. Она будет скомпрометирована. Без дуэньи...

— Вон! — Маркиз был непреклонен. И что совсем странно, госпожа Полякова послушалась. Бросила на меня сочувственный взгляд, после чего, тихо зашуршав юбками, почти скрылась за дверью. — И да, уважаемая управительница, проследите, чтобы нам не мешали, — приказал он.

На этом все. А пока Агата Михайловна прикрывала за собой тяжелую створку двери, я успела оглядеться. Ока-

залось, что меня бережно уложили на мою же постель, каким-то образом переместив из кабинета управительницы. Портал? Поговаривали, что для высших родов такое возможно, но все же...

Я с осторожностью посмотрела на собеседника, пытаюсь угадать, что ему нужно. Нет, о своей репутации не тревожилась: госпожа Полякова хоть и на редкость вздорного нрава, но все же бросить тень на пансион не позволит. А значит, оставит пребывание маркиза в моей комнате в тайне. Быть может, уже даже попросила одну из воспитательниц укрыть вход сюда отворотными чарами. Тогда...

— Вставайте, госпожа Ершова, ваше представление было на редкость неуместным, — сурово проговорил маркиз и отошел к окну. — Чем быстрее мы разберемся с делом, тем скорее вы сможете вернуться к прежней жизни.

В голосе маркиза прозвучали фальшивые нотки, и я настороженно сглотнула.

Моя жизнь и до этого дня была малоперспективной, если подумать. Никому не нужная сирота, потерявшая мать еще в детстве, я слыла синим чулком среди идеальных воспитанниц девичьего пансиона. Отец, конечно, богат, но богатство это большей частью уходило на исследования факультета алхимии, главой которого четвертый граф Ершов числился последние два десятка лет. И даже деньги старого деда мне бы не помогли — отец разорвал связь с ним давным-давно, еще после смерти матери, позволяя навещать старика единожды за год, во время летних каникул.

Да, прежняя жизнь манила меня мало. Но вот дальше — еще хуже. Что станет со мной теперь, когда отца обвинили в измене империи?

Я осторожно села на кровати и опустила глаза на выцветший вид пестрый ковер, стараясь больше не смот-

реть на маркиза. Помимо очевидной недружелюбности, тон его голоса все чаще уходил в раздражение, а на лице появлялось брезгливое выражение:

— Ну же, Ольга! Поверьте, я осведомлен о ваших отношениях с отцом. Вряд ли известие о гибели человека, о котором вы ничего не слышали восемь лет, могло так огорчить вас. Особенно учитывая ваши характеристики, которыми неохотно поделилась госпожа Полякова.

Пришлось пропустить мимо ушей обращение маркиза ко мне по имени: такое позволялось либо при очень близких отношениях, либо же тогда, когда тот, кто обращался, считал собеседника фигурой не просто младше себя, но всяко незначительней, мельче.

Значит, вот какого вы обо мне мнения, Николай Георгиевич. Что ж...

Словно бы подтвердив мои мысли, маркиз подошел к окну и слегка склонил голову, позволив полуденному солнцу осветить аристократический профиль.

Я незаметно оглядела собеседника. Военный мундир глубокого морского цвета сидел безукоризненно, не позволяя ни единой морщинке изменить идеально ровной спины. Прямые брюки с безупречными стрелками сгибались над блестящими ботинками ровно на одну складку, а белоснежный ворот рубашки держался в высокой стойке. Все в облике господина Левшина было выверенным настолько, насколько вообще могло быть.

Одним вальяжным движением он прислонился плечом к оконному откосу, безжалостно смяв тяжелую бежевую портьеру, и, подняв с невысокого дубового столика увесистую папку моего личного дела, зачитал:

— «Нрав госпожи Ершовой сложный, порой доходящий до откровенной непокорности. Обладая острым умом и незаурядным образом мыслей, что, по всей видимости, унаследовано от отца, девушка крайне неуживчива». — Бровь маркиза чуть приподнялась, а угол рта изо-

гнулся в кривоватой улыбке. Колкий взгляд, от которого я едва не съежилась, и снова: — Опустим перечисление ваших многочисленных проказ, госпожа Ершова. Боюсь, они дают представление о вас как о на редкость изобретательной особе. И это тоже, кстати, семейная черта. Вы не думали стать алхимиком, подобно отцу?

Не сумев произнести ни слова, я отрицательно покачала головой. А маркиз продолжил:

— Что ж, ввиду последних событий это и к лучшему. — Левшин отклонился от окна, с хлопком закрыв папку. — Видите ли, отравление графа было осуществлено при помощи его последней разработки, отвара на основе ливиума, и...

Комната заметно качнулась, а цветастый ковер снова пошел кругами. Но все это быстро прекратилось, едва широкие ладони его сиятельства легли на мои, снова выпустив под кожу огненные искры.

— Госпожа Ершова, — Николай Георгиевич даже не думал скрывать раздражения, слишком сильно сжимая пальцы, — в ваших же интересах пойти мне навстречу и не устраивать больше спектаклей. Вы должны понимать, что после освидетельствования трупа вас вызовут на допрос, а потом... — Неприятная пауза, и маркиз все же разжал ладони. Встал рядом, нависнув надо мной черной тенью и тут же заставив поверить, что хуже не будет. Но уже в следующий момент стало ясно — будет, потому как министр сообщил далеко не все. — Потом, возможно, — суд, где станет рассматриваться ваше дело против короны.

Яркие пятна на ковре резко приблизились, больно отбивая рябью в глазах, и мне понадобились все силы, чтобы заглушить волнение:

— Против короны?..

Смотреть на господина Левшина не хотелось совсем, но удивление заставило поднять на него глаза. Я отшат-

нулась — в черных зрачках плескалась нескрываемая ненависть, делая и без того хищные черты не просто жесткими, но невероятно жестокими.

— Именно так, госпожа Ершова. Если будет доказано, что вы причастны к делам отца, вас лишат наследства и титула, а может, и того больше.

Я задохнулась. Снова сосредоточилась на дыхании, чтобы позорно не разреветься перед этим лишенным сочувствия человеком, и тут же услышала:

— Думаю, ваши вещи уже подготовили. Остальное вышлют на адрес государственной квартиры, в которой вы пока поселитесь. Видите ли, дом графа Ершова опечатан, обыск продлится не меньше недели...

Пока министр говорил, я собиралась с мыслями. Судя по тому, что дом отца опечатан, а я буду пребывать в казенной квартире, мой статус звучит не иначе как «подозреваемая». А это дурно, очень дурно, особенно учитывая обвинение в измене короне и внушительный размер моего наследства, которое отойдет государственной казне, если я проиграю суд. Впрочем, как раз в этом сомневаться не приходилось. И тогда разумным будет вот что...

— Господин Левшин, — склонила голову в знак уважения перед чиновником кабинета его императорского высочества, — я готова во всем оказать помощь следствию и лично вам. И все же, помимо лишения титула и наследства, — короткая пауза затягивалась, отчего страх продолжить становился все отчетливей, — что мне грозит в том случае, если дело примет неожиданный оборот?

Правая бровь маркиза снова чуть приподнялась, а сам он отвернулся к окну, сделав в его сторону несколько шагов:

— Если вы невиновны, вам не о чем беспокоиться.

А ведь он не зря отвернулся. Знал: ввиду того, что титул отцу дарован императором, наследование дара по его

линии невозможно. А вот с матерью совсем другая история...

Род деда — очень древний, один из двадцати самых высоких в Староросской империи. Мы ведь и с исчезнувшими некромантами Воробьевыми когда-то роднились. А наследницей в нем — одна мать. Мне приходилось слышать, что до болезни дар в ней горел сильный и видеть она могла даже то, что спрятано у человека глубоко внутри.

Однако затяжной недуг выжег в ней не просто наследные черты, но и саму суть. И к исходу его все, что осталось от родного человека, — иссушенная оболочка с безумными глазами. А потому, когда в десять лет у меня начались головокружения, отец пригласил целителей и вскоре отвез в пансион. Тонкие пилюли грязно-серого цвета выдавались по две в день, и в лазарете за этим тщателью следили.

Видно, информация об этом тоже была в личном деле, раз маркиз так упорно разглядывал убогий пейзаж за окном. Боялся, что слухи о лживости материнской болезни и сокрытии дара небеспочвенны?

Глупости! На свете не было ничего мертвее моих талантов, и мне всегда казалось, что именно поэтому отец ни разу так и не навестил меня в пансионе. Наверное, стыдился неудавшейся дочери, каждый день напоминавшей о его собственной никчемности.

Что ж, маркиз не зря занимал свою должность — он безупречно владел собой. Вот только мне пришлось прожить вдали от дома целых восемь лет, а общество молодых воспитанниц высоких имперских родов — та еще яма с копошащимися гадами.

И я заметила, как упругая венка на сжатом кулаке начала пульсировать сильнее, проступая темным жгутом на выбеленной коже. Значит, все плохо. Что ж, я всегда чувствовала неизбежность мрачного завершения своего бес-

цельного существования, и вот теперь это ощущение обрело смысл.

— Когда мы отправляемся?

— Прямо сейчас. Карета уже ожидает у главных дверей. Если поторопимся, успеем в Петергоф к ночи.

— Разве вы не воспользуетесь порталом? — не удалось скрыть изумления.

— И все же, госпожа Ершова, — быстрый выразительный взгляд, после чего министр снова отвернулся к окну, — управительница пансиона верно оценила вас. Вы и вправду умны, раз догадались о портале. Но нет, я не стану использовать его для нашего перемещения. Видите ли, как только мы прибудем в Петергоф, все наши разговоры будут записаны на друзья памяти, которые затем предоставят суду. Мне бы хотелось спросить вас кое о чем лично... — Глубокий вдох выдал, что последующее говорить совсем не хотелось: — И да, вынужден извиниться, но тело придется осмотреть сегодня же.

Он резко обернулся:

— И только после этого я доставлю вас в государственную квартиру.

Мне не оставили выбора. Страшилась ли я предстоящего? Скорее нет, чем да. В конце концов, министр прав: я никогда не была слишком близка к отцу и страха перед предстоящим зрелищем не испытывала. К тому же суеверие мной упорно порицалось, отчего опасение опознать труп отца ночью казалось как минимум безрассудным.

Нет, страшило другое. Но об этом я смогу подумать после, когда останусь одна, потому как взгляд Николая Георгиевича не упускал ни единой мелочи, зорко отмечая каждое, даже мимолетное, движение.

Я кивнула в знак согласия, осторожно спросив:

— Вы позволите перед отъездом обратиться в лазарет? Я с детства страдаю головокружениями, пилюли выдают

дважды в день. Если пропустить прием, может стать хуже...

— О болезни госпожа Полякова упомянула. — Маркиз недовольно поджал губы. — Месячный запас лекарства уже у меня, выдавать его буду сам по причине...

Он не договорил, но я и так все поняла. Видимо, боялся, как бы я не отравилась вслед за отцом. Значит, все еще хуже, чем предполагалось поначалу. Покорно склонив голову, я встала с кровати, аккуратно расправив после себя складки на старом коричневом покрывале, и, проследовав к шкафу, сняла с вешалки темно-синий плащ.

Огонь распознала тут же, почти мгновенно. И обернулась так резко, что едва не налетела на маркиза.

— Позвольте? — Левшин стоял слишком близко, из-за чего я ощущала на его коже едва различимый запах дорогого парфюма, наверняка привезенного из Франкии, где мастерство создавать драгоценные ароматы было возведено в рамки искусства.

Я подняла глаза на Николая Георгиевича... тут же отшатнувшись от гневной гримасы, исказившей его лицо. Видимо, помогать дочери изменника ему было не просто неприятно, но воспринималось сродни чему-то мерзкому. Только воспитание в высоких родах передавалось с самой кровью, и отказаться от него было бы противоестественно.

А ведь в салонах шептались, что род Левшиных брал свое начало со Смутных времен, и потому кровь в его жилах более чистая, чем императорская... Мысли, конечно, запретные, преступные, и наказание за них по-настоящему жестокое...

Господи, если бы я только могла воспользоваться хотя бы крупницей дара, жившего когда-то в матери!

Но в глазах министра не нашлось ничего, кроме ярости, и спустя мгновение я сдалась. Снова отвела взгляд, протянув на ладонях тонкий плащ, чудесно подходящий

для поздней весны, что никак не желала в этом году уходить из Хвойного.

Маркиз уверенно забрал у меня накидку, не коснувшись при этом даже на мгновение, и теперь терпеливо ожидал, пока я повернусь к нему спиной. Сердце забилося так гулко, что я невольно вздрогнула: неужели он тоже слышит его?

Но Николай Георгиевич был крайне собран, лишь позволив себе короткое:

— Ну же, госпожа Ершова, нам стоит поторопиться!

Спорить было глупо. Плащ набросили на плечи одним скорым движением, после чего Левшин резко толкнул дверь.

— И да, Ольга Савельевна... — Он коснулся теплыми ладонями моей головы, и время на миг остановилось. Голоса кругом стали тише, а пространство словно сузилось до крошечного квадрата пестрого ковра, на котором стояли только мы. Внезапно я явно ощутила, как его голос вместе с огненными иглками пробирается под кожу, кружит в венах и спустя всего миг звучит уже внутри: — Будучи прекрасно осведомлен о вашем характере, я все же предупрежу: если вы задумали побег, немедленно выбросьте эти мысли. Ваше положение и без того незавидно. Любая оплошность уронит честь рода Ершовых еще ниже и поставит вашу судьбу под удар. Надеюсь, мы с вами поняли друг друга?

Я кивнула. И только получив мое согласие, маркиз опустил ладони. А мир снова стал прежним, где голоса звучали снаружи, а не внутри моей головы.

Внушение? Неужели? На что еще способен последний из огненных боевых магов империи?

Сбросив мимолетное оцепенение и оглянувшись в последний раз на небольшое светлое пространство своей спальни, я переступила через порог, почти полностью уверенная в том, что не вернусь сюда. Что ж, пусть за-

брать с собой все тайны не получится, но все же они будут надежно хранимы этой комнатой.

Провожать меня никто не посмел: видимо, даже в строжайшей секретности, которую обещала Николаю Георгиевичу госпожа Полякова, девушки побоялись говорить с той, за которой явился сам министр. Было немного обидно, но я тут же постаралась справиться с этим чувством: впереди меня ждали более серьезные испытания, на которые понадобится больше сил, чем на глупые переживания.

Длинный коридор оказался необычно пустым, и только старый швейцар, ждавший у порога, пожелал:

— Доброй дороги, господа!

Улыбнувшись в ответ служащему пансиона, я ступила на широкое крыльцо, подставив разгоряченные щеки под полуденное апрельское солнце. Весна в этом году запаздывала, отчего холодный ветер по-прежнему низко гнул верхушки деревьев.

Бросив прощальный взгляд на темно-серые каменные стены пансиона, так и не ставшего родным домом за восемь лет, я вложила руку в широкую ладонь маркиза. И, сделав глубокий вдох, позволила ему помочь мне забраться в черную карету, ждавшую у подъезда.

Лошади сорвались с места в ту же минуту, как хлопнула дверца. Невольно вздрогнув, я постаралась не поднимать на господина Левшина глаз: незачем заставляя его ненавидеть меня еще больше, чем сейчас.

Впрочем, если забыть о том, что меня везут на опознание тела и на допрос, путешествие можно назвать вполне комфортным, потому как хода лошадей почти не слышно. И старая дорога, полная ям и ухабов, отчего-то ложится под колеса кареты ровно, гладко, по всей видимости, тоже опасаясь гнева молодого министра.

Неожиданная догадка заставила сердце биться сильнее, и лишь тогда я позволила себе взглянуть в окно. Че-

рез тонкое стекло заметила, как мы движемся в облаке тусклого алого свечения, мерно подрагивающего в такт красным всполохам на почти черном рубине Николая Георгиевича. Сквозь кровавую дымку огня проглядывает нечто чужое, мертвое, облеченное в едва заметное зеленоватое мерцание.

А пансиона уже и не видно. Что происходит?

Обратив внимание на мое замешательство, маркиз слегка улыбнулся, заверив:

— Рядом со мной вам нечего опасаться, госпожа Ершова. Магия огня вам не навредит.

Я могла бы просто согласиться, но не замечать очевидного было нельзя.

— Вы ведь пользуете не только дар огненной стихии, верно? Карета с лошадьми... В вас течет кровь Воробьевых?

Где-то внутри живота инстинктивно начало сворачиваться удушающее чувство сродни первобытному страху. Неужели министр несет в себе не только огненное начало, но еще и утерянное, мертвое? И возможно ли такое?

Левшин снова приподнял бровь, удивленно разглядывая меня:

— Как и в вас, графиня.

Все верно. В истории нашей семьи был и такой брак, только кровь наследует лишь сильнейший из талантов. Или не наследует ничего вовсе, смешиваясь с обычной, — именно так случилось со мной. Но министр...

Немыслимо! Еще не осознав, что маркизу известно обо мне гораздо больше, чем следовало, я снова задумалась над очевидным. Николай Георгиевич Левшин — не просто боевой огненный маг. Он некромант. Господи, что же творится?! И знает ли об этом наследник императора? Или же все происходящее — тайна, которую мне придется унести с собой вслед за отцом?

— Вам незачем меня опасаться, — снова заверил маркиз. — Поверьте, я не причиню вам вреда.

Видимо, знает. Да и, наверное, скрыть такой могущественный дар было бы непросто. Но господин Левшин, не желая продолжения этого разговора, резко сменил тему:

— Если позволите, графиня, я хотел бы узнать кое-что без записи друзья памяти.

— Конечно, господин министр. Я охотно помогу вам и смогу повторить в суде, если понадобится.

Все верно. Маркиз должен понимать, что показания я даю не ему лично, а самой империи. И что секретов у меня нет.

— Меня интересует ваша переписка с молодым графом Никитиным.

Я и сама не поняла, как мне удалось сохранить невозмутимость. А ведь пальцы даже не дрогнули, оставив тонкую белоснежную ткань юбки идеально ровной. Видимо, восемь лет в девичьем пансионе принесли гораздо больше пользы, чем думалось.

Переписка с Алешей Никитиным мною велась на протяжении последнего года. Начавшись с прошлого лета, когда мне было позволено повидаться с дедом в его старом поместье, она стала постоянной, во многом поддерживая нас обоих. Конечно же мы не любили друг друга, но обманываться насчет любви в аристократическом обществе по меньшей мере глупо. А вот дружба — она навсегда.

Так уж случилось, что мы оба принадлежали к высоким родам империи и потому с детства понимали: честь и интересы семьи должны стать выше собственных желаний. Алеша хотел писать картины, я же... После утраты матери и не менее болезненной потери связи с отцом мне хотелось просто жить. Не в стенах пансиона и не в дальнем поместье старого мужа, выбранного родом. Если бы наши мечты исполнились...

Я мигом прогнала запретные мысли. О чем еще известно маркизу Левшину?

Но минута почти заканчивалась, а Николай Георгиевич продолжал наблюдать за мной с нескрываемым интересом. Пришлось ответить:

— Я давно не получала писем от господина Никитина. Старая дружба, мы были знакомы с детства...

— Госпожа Ершова! — Узкое пространство кареты делало голос маркиза не просто громким — оглушительным, что заставило меня сесть ровнее. — Вы обещали не лгать. А еще... — многозначительная пауза, — помогать во всем короне. И мне лично.

Маркиз сложил руки на груди, словно закрываясь от меня, и его взгляд стал еще более жестким.

— Последнее письмо пришло накануне, верно? Оно сохранилось?

Я кивнула. Письма хранились мной с особой бережностью, и в безопасности тайника я была уверена. Стоило только отодвинуть дальний край ковра в моей комнате, после чего приподнять крайнюю дощечку у шкафа. Она с гвоздем и поэтому никогда не привлечет внимания. Но гвоздь этот расшатан, а под ним — широкое пространство до земляного пола. Там ведь лежат не только письма...

— Переписку изыму завтра. — Левшин казался непреклонен. — Надеюсь, она хранится у вас в конвертах?

Настороженно кивнула:

— Да, но...

— Вы, видимо, не знаете, — Николай Георгиевич безжалостно растапывал меня словами, — но вашего поклонника уже с полгода нет в столице. Впрочем, как и в самой империи.

Он ненадолго прервался, зорко следя за малейшим изменением в моем поведении, после чего подвел черту:

— Скандал о запретной связи с наследной княгиней прогремел на весь Петергоф, приведя его императорское

высочество в ярость. Старому графу Никитину пришлось лишиться половины состояния, чтобы вина отрока ненадолго забылась, а сам он спешно выехал к Лигурийскому морю. Но ведь ваши конверты — не из Итальянских земель?

Пораженная услышанным, я едва понимала, о чем говорит маркиз. Скандал с наследной княгиней? Неужели Хвойный так далеко от Петергофа, чтобы слухи настолько мерзкого свойства не долетели до нас? Или же все это из-за связи с семьей самого императора? Скрывалось?

Я терялась в догадках, но больше всего тревожило другое.

— Конверты приходили обычные, местные. На желтоватой бумаге дурного качества — чтобы их не вскрывали.

— Почерк?

— Алешин.

Маркиз на минуту задумался, тихо проговорив:

— Ваше дело, госпожа Ершова, с каждой минутой становится все интереснее. — Взгляд его потемнел. — После изъятия письма будут подвергнуты исследованию на духовной друзе. Если окажется, что рука — ваша...

Я не сразу поняла, о чем говорит маркиз. Моя рука... но зачем? И лишь спустя мгновение отвратительная догадка опалила щеки:

— Вы думаете, я сама?

— Я не думаю, — устало проговорил маркиз, — я исключаю. Все же слишком много нестыковок...

— Но... зачем? Зачем мне самой писать себе письма?!

Левшин глубоко вздохнул, пожав плечами:

— Привлечь внимание отца. Похвастаться перед товарками. Увести след в случае чего. А может... может быть, писал письма вовсе не Никитин. И даже не вы...

Ощутив, как краснею до кончиков волос, я молилась лишь об одном: чтобы моей выдержки хватило не распла-

каться перед этим безжалостным человеком. Но внезапно маркиз прервался на полуслове, резко подняв правую ладонь. Таким знаком обычно заставляют молчать чернь, а не равных себе.

Глаза обожгло, и я ощутила, как горячие слезы вот-вот хлынут. Но глухой гул, обрушившийся на стены кареты со всех сторон разом, мигом вернул самообладание. А вслед за рокотом появилось зеленоватое свечение, заглушающее алую дымку. И тогда маркиз, мимолетно глянув в окно, скомандовал:

— Оставайтесь здесь! И не сходите с места ни при каких условиях!

Он резко толкнул дверцу кареты, и в замкнутое пространство ворвался запах глеющей плоти. Гнилостный, он был так противен, что мне понадобились все силы, чтобы удержаться от позорного приступа дурноты.

Маркиз тем временем выскочил наружу, и я сначала почувствовала, а потом и расслышала стрекочущие волны, заставлявшие нашу карету подрагивать.

Время шло, а гул все нарастал. Было так страшно, что совсем скоро я уже не могла сказать, сколько длится эта какофония. Вздрагивая с каждым новым ударом, я искала в окне очередную алую вспышку, подтверждающую, что маркиз по-прежнему жив.

Что еще оставалось мне? Дождаться внутри, проявив благоразумие, или помочь господину Левшину?

Видимо, Агата Михайловна все же была обо мне слишком высокого мнения, полагая, что я обладаю острым умом и незаурядным образом мыслей, потому как стал бы такой человек идти против прямого приказа того, от кого зависит его жизнь?

Верно — нет.

Особенно если учесть, что за порогом кареты меня ждало не что иное, как растревоженное старое кладбище.

Глава вторая,
в которой случаются события более скандальные,
чем раскрытие старых тайн

Сердце учит нас сострадать несчастиям
ближних...

Жизнь в свете, дома и при дворе.
Петергоф, 1890 г.

Сделать первый шаг мне так и не удалось, потому как в волосы тут же вцепилось что-то острое, а я запоздало поняла: мертвие. Рванув его резко на себя, стала заваливаться на карету, по которой по-прежнему бежал рокот силовых волн.

Краем глаза успела заметить фигуру маркиза, рваными движениями бросающего по сторонам огненные снаряды. Те алыми всполохами озаряли сосновые верхушки, а нежить все наступала.

Разорванные временем и поднятые человеком с древней кровью, они все увереннее подходили к упряжке, отчего лошади, напуганные до смерти, становились на дыбы. Еще немного — и они сорвутся с места, оставив нас одних в этой глуши.

Ослепляющая боль прервала мысли. Полуистлевшее тело жадно накрыло меня сверху, и я поняла, что больше не смогу. Воздух быстро заканчивался, поддаваясь напору стальной хватки костлявых пальцев, и перед глазами уже поплыло, когда внезапно голос маркиза вернул все на место:

— Я предупреждал вас!

Грубый рывок — и, кажется, прядь моих каштановых волос осталась в руках мертвия. Но это волновало меня сейчас меньше всего.

— Вы нарушили приказ, и последствия будут неотвратимыми! — Яростный оскал маркиза — это первое, что я

смогла разглядеть. А потом... потом стало ясно, что за то время, пока я оставалась в карете одна, случилось многое.

Синий костюм министра был изорван на груди, а по рукаву проворной змейкой ползла тонкая струйка крови, спускавшаяся с подбородка. Неужели все так плохо?

Похоже, я сказала это вслух, потому как маркиз со злобной улыбкой ответил:

— Справлюсь! Забирайтесь в карету! И чтобы больше ни единой глупости!

Спорить с господином Левшиным было бесполезно, и потому я лишь предложила:

— Позвольте помочь.

Маркиз засмеялся. Зло, рвано. А потом резко выбросил руку в сторону — и уже в следующий миг ко мне рванул кусок человеческого тела с горящими зеленою глазами:

— В чем?! В этом?! Не знал, что вы некромант, Ольга!

Мне стало мучительно стыдно за свое предложение, но все же я понимала: кладбище потревожено не просто так. Кто-то знал, что через него проедет карета с министром. И этот кто-то готовился. Но хватит ли у Николая Георгиевича сил, чтобы предотвратить нападение?

Гул усиливался, и Левшину пришлось, заведя меня за спину, выставить огненный щит. Я впервые видела горящую стихию в такой форме. Ярко-алый заслон пульсировал в такт всполохам пламени на родовом перстне министра, разрастаясь с огромной скоростью. Спустя всего пару вдохов он превратился в купол, своды которого окружали безумно напуганных лошадей и нас с маркизом. А рокотание стихло. Надолго ли?

Левшин снова обернулся. Его голос стал чуть спокойнее, но все же было ясно: это всего лишь самообладание. На самом деле Николай Георгиевич по-прежнему зол.

— Вы должны проследовать в карету. Даже если... — слова давались ему нелегко, и я скорее понимала, чем ви-

дела: наша защита отнимает у него много сил, — нежить сможет прорваться сквозь купол... — громкий удар, подобно раскату грома, пустил по щиту яркую трещину, а лицо министра стало встревоженным, — карета защищена. Ее найдут поутру, и вас тоже — в целости и сохранности. Вы понимаете меня, Ольга?

И снова по имени. Дважды только за последнюю минуту. Нужно будет сказать ему. Но все это — позже.

— Я могу помочь! — Настаивать на своем, когда видишь дикую вспышку бешенства в глазах собеседника, страшно. Но интуиция подсказывала: этой ночью случится что-то одно — либо мы оба погибнем, либо выживем. Но так или иначе — вместе. А потому я решилась побороть животный страх. — Во мне нет дара некроманта, но сила рода Воробьевых дремлет в крови. Ее можно забрать...

Лицо маркиза на мгновение из яростного превратилось в недоуменное, однако совсем скоро гнев заполнил собой пространство между нами. И почти сразу прозвучал самый унижительный из всех вопросов, которые мне доводилось слышать:

— Я надеюсь, вы не пытаетесь соблазнить меня? Потому что если это так, то вынужден сообщить: вы не в моем вкусе.

Жгучий стыд опалил не только щеки, но всю кожу на моем теле, а мне едва удалось сдержать слезы. И все же я понимала Левшина. Силой можно поделиться лишь при прямом контакте, позволив магу словно бы выпить ее.

Значит, поцелуй?

Я и сама отшатнулась от этой мысли, когда она так явно пронеслась в сознании. Однако огненный щит продолжал мерцать, покрываясь новыми трещинами, и времени оставалось немного. Вот уже и рокот десятков голосов пробился сквозь защиту купола, зажужжав подобно ги-

гантскому насекомому. И я поняла, что гордости сейчас не место.

— Вам не удержать эту волну нежности без моей помощи, маркиз. Прошу вас...

Договорить мне не дали. Одним стремительным движением господин Левшин приблизился к моему лицу, грубо прижавшись губами ко рту. Едва дыша, я широко распахнула глаза, пытаюсь совладать с собой и с той силой, которую ощутила в нем.

А сила звала.

Мир снова свернулся до небольшого клочка под алым куполом, и я почувствовала, как ноги слабеют. Крепко сжав меня в объятиях, чтобы не позволить упасть, маркиз продолжил яростно терзать мои губы, и в какой-то момент мне захотелось прервать это, пока еще сознание не померкло.

Сила уходила быстро.

Подчиняясь напору мага, она текла по саднящим губам, обжигая их огнем, пока не стало слишком больно. Кажется, я уткнулась кулаками в широкую грудь Николая Георгиевича, пытаюсь оттолкнуть его, но это дало обратный результат. С глухим стоном он вцепился пальцами мне в волосы, сжав их в тугий узел. Запрокинул голову, ворвавшись в рот прохладой настоящего поцелуя, а затем... Купол разом стал прочнее, ярче, и тогда произошло что-то совсем немыслимое.

Маркиз перестал ожесточенно сминать мой рот, и на смену болезненному испытанию пришло нечто другое — более мягкое, плавное. И уже не такое яростное, как сначала.

Сил во мне не осталось. Последнее, что я успела запомнить, — это пряный запах кожи Николая Георгиевича. А потом все вмиг исчезло, растворившись за карими глазами моего спасителя.

Очнулась я под мерное покачивание кареты. Полулежа на мягком диване, попыталась сесть под неотрывным взглядом министра, но тотчас осознала: это не так уж и просто. Похоже, маркиз отнял у меня слишком много сил и на их восполнение понадобится время.

— Когда прибудем в министерство, я распоряжусь подать вам травяной отвар, он поможет быстро восстановиться.

Я благодарно кивнула, отведя взгляд от Николая Георгиевича, и постаралась следить за алой дымкой, разливавшейся по соснам за окном уже без мертвенного сияния.

— Вы не пострадали?

— Серьезно — нет, но на будущее, Ольга... Я признателен вам за помощь, только в следующий раз будьте добры потрудиться исполнить мой приказ. Все же вы под...

— ...стражей?

— Под следствием, — уточнил министр. — И от моих показаний в суде будет зависеть ваша судьба.

Спорить с чиновником кабинета его императорского высочества не стоило, но образ моих мыслей и вправду всегда отличался от прочих, и потому я не придумала ничего лучшего, чем напомнить...

— В высшем свете, — каждое слово давалось с трудом, но закончить начатое казалось необходимым, — не позволено называть собеседника лишь по имени. Мы с вами не близки...

Правая бровь маркиза пораженно взлетела вверх, а на лице снова сменилась гамма чувств: от гнева до откровенного изумления. Четко очерченные губы Николая Георгиевича изогнулись в издевательской усмешке, и он напомнил о недавнем позоре:

— А как же наш поцелуй, Ольга?

Туше!

Я и подумать не могла, что стыд будет столь ярким. А ведь маркиз мог бы проявить хоть каплю сострадания и

не упоминать о случившемся. Но, проведя с ним последние несколько часов, я вдруг явно осознала: сочувствия не дождусь. Так стоило ли отвечать?

Я снова отвернулась к окну, сказав лишь:

— Меня зовут Ольга Савельевна Ершова, потрудитесь это запомнить.

И прикрыла глаза, постаравшись сосредоточиться на мерном движении кареты. Впрочем, министр тоже больше не проронил ни слова. Он отвернулся к окну, изредка бросая на меня короткие взгляды, но сейчас это не имело никакого значения. Мне бы продержаться до министерства, где выдадут чудодейственный травяной отвар...

Кажется, я все же уснула, потому как в благодатный покой внезапно ворвалась широкая ладонь маркиза, бережно убравшая волосы с моего лица. Вздвогнув, ощутила ночную прохладу, усиливаемую шелестящей водной гладью, и лишь тогда поняла: мы прибыли к месту.

Николай Георгиевич подал руку, на которую опираться совсем не хотелось, но все же пришлось. И я, едва не споткнувшись, ступила ногой на каменную мостовую близ огромного белоснежного здания с надписью, выложенной крупными золочеными буквами.

Вот, значит, как выглядит министерство.

Кажется, я не была в Петергофе последние лет пять, и за это время многое изменилось. Центральная улица стала еще прекраснее, чем прежде: теперь даже ночью здесь горели сотни огней, бросавших яркие пятна света на сочную зелень деревьев. Похоже, совсем недавно прошел небольшой дождик, оставив каменную плитку все еще влажной, а кое-где, подобно крошечным оконцам, блестели небольшие лужицы.

По бокам дороги стояли удобные кованые скамейки, подле которых высились неизвестные мне железные гиганты с бледными сферами белесоватого сияния. Ничего похожего до этой ночи мне видеть не приходилось, и, судя

по всему, я слишком загляделась на последнее слово алхимии, раз маркиз решил пояснить.

— Фонари, — обыденно бросил он. — Последняя разработка семьи Никитиных. Совместно с вашим отцом, кстати. Алексей вам не рассказывал?

Я покачала головой, удивленно наблюдая за тусклым свечением. Беседовать с маркизом не хотелось вообще, но любопытство оказалось сильнее.

— И как они работают? Из чего черпают энергию?

— Это частички ливиума, открытого графом Ершовым совсем недавно. Они заперты в сферы из особого стекла, в которых живет крупца воздушной стихии. Род Никитиных наследовал власть над эфиром, чем охотно делится с империей. Говорят, всего через пару лет такие сферы заменят обычные свечи во всех домах Старороссии.

— В вашем доме тоже есть такие? — От любопытства я совсем осмелела и, только задав неуместный вопрос, поняла, что позволила себе лишнего. А потому постаралась как можно скорее загладить вину. — Прошу прощения, ваше сиятельство, мне не следовало быть столь любопытной. Жизнь в Хвойном далека от той, что происходит в Петергофе, и мне не доводилось знать ни о чем подобном.

Стало неловко. Я будто бы призналась перед совсем чужим человеком в том, что не гостила в родовом доме отца почти восемь лет, и детская обида заставила сжать кулаки сильнее. Видно, это не укрылось от министра, который тут же спросил:

— Вы ведь не виделись с графом в последние годы?

Отвечать на этот вопрос почему-то казалось тяжелее всего, но это всего лишь начало, а потому мне следует собраться.

— Нет.

— Долго? — Кажется, маркиз снова наблюдал за мной с нескрываемым интересом.

— Долго. Последние несколько лет. Пять, если точнее. В первые три года моего обучения он проездом бывал в поместье деда, куда мне разрешалось прибыть на каникулы, потом...

— Ясно. — Голос маркиза снова зазвенел ледяными нотками. — Опознать сможете?

Я задумалась. А ведь Николай Георгиевич впервые спросил, смогу ли я узнать отца. И теперь я сама сомневалась. Но память хранила общую черту, которая, как я надеялась, не исчезла, и потому ответила:

— Смогу. Если вы не против, мне бы хотелось поскорее закончить.

Маркиз кивнул. Бережно придержал меня под локоть, пока мы поднимались по скользким после ночного дождя ступеням, и обратился к швейцару, стоявшему в дверях:

— Доброй ночи, Миша. Нас ждут.

Мужчина средних лет склонился в низком поклоне. Ничто в нем не выдало интереса к тому, как мы выглядели. Он даже не позволил себе разглядеть явные следы лесного побоища. Лишь неприкрытое восхищение министром:

— Ваше сиятельство.

Удивленная, я позволила господину Левшину провести меня через едва освещенное фойе к широкой лестнице с вычурными перилами. И все это время думалось о том, как часто Николаю Георгиевичу приходилось возвращаться в министерство в таком виде? А может, это далеко не самое необычное, что удалось увидеть здешнему швейцару?

— Верхнюю одежду оставите у меня в кабинете, — прервал рассуждения маркиз. — Ночью здесь можно найти немногих.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i> , в котором наследная графиня Ершова узнает границы своей выдержки	5
<i>Глава первая</i> , в которой случаются первые знакомства, ведутся неприятные разговоры и открываются скандальные тайны	9
<i>Глава вторая</i> , в которой случаются события более скандальные, чем раскрытие старых тайн	25
<i>Глава третья</i> , в которой высокие роды империи объединяются общей тайной, а маркиз Левшин ощущает первый порыв любопытства к древней науке алхимии	43
<i>Глава четвертая</i> , в которой пуговицы на блузе вносят раздор в отношения, а старые друзья продолжают молчать	57
<i>Глава пятая</i> , в которой лучшие друзья предают, расследование заходит в тупик и делается предложение без права отказа . .	71
<i>Глава шестая</i> , в которой отказ принимается как вызов, а матримониальные планы рушатся под действием непредсказуемых причин	92
<i>Глава седьмая</i> , в которой новое нападение дарит первую высокородную смерть Староросской империи, преподносится букет из скромных ландышей, а долгожданный выход в свет заканчивается в карете	106
<i>Глава восьмая</i> , в которой случается неудачная кража, заключается скандальное пари и находится подвенечное платье	128
<i>Глава девятая</i> , в которой высокородный дар просыпается в самый неподходящий момент, а в первую брачную ночь происходит совсем не то, что должно	143
<i>Глава десятая</i> , в которой господину Левшину приходится раскрыть козыри еще до основного расклада, а юная маркиза нарушает приказ супруга, совсем не понимая этого	163
<i>Глава одиннадцатая</i> , в которой звучат первые отголоски бунта, принося Ольге Савельевне конверт с императорским вензелем	178
<i>Глава двенадцатая</i> , в которой Ольга обретает и теряет все одновременно, а господин Левшин возвращается к руинам	198
<i>Глава тринадцатая</i> , в которой маркиз Левшин будит высокородное дерево вместе с древним камнем, а цесаревич впервые признается во лжи	218

<i>Глава четырнадцатая</i> , в которой наступает пугающее время прощаться и прощать	231
<i>Глава пятнадцатая</i> , в которой простые бубенчики оказываются совсем не простыми, а маркиз Левшин снова вынужден нарушить покой королевской спальни	246
<i>Глава шестнадцатая</i> , в которой все заканчивается и начинается заново	263
<i>Эпилог</i> , в котором Ольга все же попадает на долгожданный петергофский бал... год спустя	275